

Содержание

- 8 От редактора
10 Список сокращений
- 13 *Майя Лавринович. Жизнь между службой и поместьем: покровительство, дружба и амбиции в частной переписке 1780-х годов*
- 17 «...помнится, бригадир»: реконструкция биографии А.С. Дьяконова
- 52 А.Р. Воронцов: эпизоды биографии
- 83 От ложи до суда: как познакомились Воронцов и Дьяконов
- 101 «Нового у нас ничего нет»: режимы переписки
- 114 «Вас искренно люблю...»: дружба неравная и чувствительная в конце XVIII в.
- 137 «Деревенская жизнь zaczynaет казаться постылою...»: апология горацянства и полемика с ним в эпистолярной Воронцова и Дьяконова
- 152 Последние годы Дьяконова: «аглинские мысли» и прожектерство
- 171 ПИСЬМА
- 172 1783
- 172 № 1. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 10 февраля
- 176 № 2. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 4 ноября
- 183 1784
- 183 № 3. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 22 сентября
- 186 1785
- 186 № 4. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 3 января
- 188 № 5. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 16 июля
- 193 № 6. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 25 августа

- 195 № 7. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 октября
199 № 8. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 9 октября
202 № 9. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 21 октября
- 203 1786
- 203 № 10. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 27 февраля
206 № 11. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 14 марта
208 № 12. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 23 марта
209 № 13. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 14 июня
211 № 14. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 2 июля
212 № 15. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 8 июля
213 № 16. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 28 июля
214 № 17. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 3 октября
215 № 18. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 29 октября
216 № 19. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 2 декабря
217 № 20. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 7 декабря
218 № 21. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 12 декабря
- 219 1787
- 219 № 22. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 6 февраля
221 № 23. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 22 марта
223 № 24. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 28 апреля
227 № 25. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 10 мая
229 № 26. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 26 мая
231 № 27. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 30 августа
232 № 28. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 14 сентября
235 № 29. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 23 сентября
239 № 30. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 24 сентября
240 № 31. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 10 октября
242 № 32. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 ноября
243 А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, б/н
- 244 1788
- 244 № 33. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 30 сентября
247 № 34. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 18 октября
254 № 35. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 23 ноября
257 № 36. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 25 ноября
260 № 37. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 21 декабря
264 № 38. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 25 декабря

- 267 1789
- 267 № 39. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 20 февраля
- 270 № 40. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 29 июня
- 272 № 41. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 17 июля
- 273 № 42. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 августа
- 276 № 43. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 13 августа
- 277 № 44. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 20 августа
- 279 № 45. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 1 сентября
- 280 № 46. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 6 сентября
- 281 № 47. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 11 сентября

283 Приложения

- 284 1. Благоволение императрицы, выданное А.Р. Воронцову и А.В. Нарышкину за сенаторскую ревизию (1785 г.)
- 284 2. Письмо К.Е. Сутгофа к А.Р. Воронцову (24 апреля 1788 г.)
- 285 3. Рапорт А.Р. Воронцова и А.П. Шувалова о заготовке хлеба в Санкт-Петербурге и в губерниях Новгородской, Тверской, Рижской и Олонецкой (декабрь 1786 г.)
- 287 4. Завещание Дьяконова и крепостная запись дарственной на его имение (1789 г.)

292 Аннотированный именной указатель

От редактора

Публикуемые в данном томе документы представляют собой комплекс переписки между графом А.Р. Воронцовым и бригадиром А.С. Дьяконовым, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА), в двух делах описи 3 фонда 1261 (Воронцовы), и охватывающей период с 1783 по 1789 г. Письма Воронцова отложились в деле 68, письма Дьяконова — в деле 541. Переписка отражает повседневные заботы двух корреспондентов, помещика — пусть и не самого типичного — и придворного, вельможи и крупного администратора, позволяя в то же время взглянуть изнутри на внутривластные коллизии той эпохи, «услышать» суждения, размышления и сомнения современников.

Письма публикуются хронологически, в порядке их написания; одно из писем дополнено хранящимися здесь же черновиками. При публикации сохраняются, за исключением оговоренных ниже деталей, особенности орфографии и синтаксиса, присущие каждому из корреспондентов. Шероховатости стиля, пропуски, скачки мысли в написанных наскоро (особенно это относится к Воронцову) письмах передают живую речь и даже вовлекают читателя в эпистолярные диалоги. Следует, однако, учитывать, что публикуемая подборка писем неполна, поскольку многие письма оказались утеряны (прежде всего письма Дьяконова к Воронцову).

Текст документов передается с точным сохранением стилистических и фонетических особенностей документа (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук). Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современным нормам; также восстановлена буква «й», которую Воронцов практически не использовал. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе автором, вносятся в строку и оговариваются в примечаниях, причем авторские знаки сноски снимаются (за исключением одного случая). Текст, вносимый публикатором, в том числе пропущенные в документе

и восстановленные по смыслу слова, обозначается квадратными скобками []. Неразобранные слова отмечаются [нрзб].

Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются. Написанные сокращенно имена и названия в тексте не раскрываются, но поясняются в комментариях.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Исключение составляет слово «Город», используемое корреспондентами как обозначение Санкт-Петербурга. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв) устраняются в тексте и не оговариваются.

В письмах, в особенности у Дьяконова, встречается авторская редактура — зачеркивания и внесение поправок над строкой. Зачеркивания отдельных слов в публикации сохраняются, за исключением редких случаев, когда их не удалось разобрать, а поправки выделяются курсивом и вносятся в строку. Авторские подчеркивания, обозначающие, как правило, цитату или слова третьих лиц, сохраняются.

В приложениях публикуются некоторые документы, выявленные в ф. 1261 (Воронцовы) РГАДА и непосредственно касающиеся событий и лиц, речь о которых идет в переписке. Из них самый большой интерес представляет завещание Дьяконова.

В аннотированный именной указатель включены лица, упомянутые как в переписке, так и во вступительной статье и комментариях. В аннотации сведения о лицах приводятся в основном применительно к периоду переписки (1780-е годы).

Составитель выражает искреннюю признательность Т. Костиной, без которой разбор почерка и полноценное прочтение писем А.Р. Воронцова были бы невыполнимой задачей. Неоценимую помощь в работе над изданием оказали Е. Акельев, В. Борисов, С. Калинина, А. Костин, К. Лаппо-Данилевский, С. Польской, А. Феофанов. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научном редакторе.

М. Лавринович

Список сокращений

- АКВ — Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П.И. Бартенева. М.: Тип. А.И. Мамонтова и др., 1870–1895.
- д.м.п. — души мужского пола.
- КФЖ — Камер-фурьерский церемониальный журнал. Алфавитный указатель, приложения и дополнения к Камер-фурьерскому журналу 1782 года. СПб.: Б.и., 1882; То же 1785 года. СПб.: Б.и., 1885; То же 1786 года. СПб.: Б.и., 1886; То же 1787 года. СПб.: Б.и., 1886.
- НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).
- НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- ПСЗ РИ I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830.
- РБС — Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. Т. 1–25. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

- РГИА — Российский государственный исторический архив
(Санкт-Петербург).
- СБРИО — Сборник Русского исторического общества: в 148 т. СПб.:
Тип. А. Граншеля и др., 1867–1916.
- СПбВ — Санкт-Петербургские ведомости. СПб.: При Имп. Акад. наук,
1728–...
- СРП XVIII — Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред.
А.М. Панченко, Н.Д. Кочеткова. Вып. 1. Институт русской
литературы АН СССР (РАН) (Пушкинский дом). Л.: Наука.
Ленингр. отд., 1988; Вып. 2–4. СПб.: Наука. С.-Петерб. отд.,
1999–2020.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред.
С.Г. Бархударов. Вып. 1–... Институт русского языка АН СССР
(РАН). М.: Наука, 1975–...
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.
Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Институт русского языка
АН СССР (РАН). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984–1991; Вып. 7–...
СПб.: Наука. С.-Петерб. отд., 1992–...
- ГРМ — Государственный Русский музей.
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.
- ЦГИА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург).

Жизнь между
службой и поместьем:
покровительство,
дружба и амбиции
в частной переписке
1780-х годов

Майя Лавринович

Для социальной и культурной истории XVIII в. документы личного происхождения, или эго-документы, — важный, если не основной, источник, и частная переписка, наряду с дневниками, занимает здесь одно из главных мест. Основная ценность переписки — содержащееся в ней «свидетельство о себе», далеко не всегда тождественное тому, о чем идет речь в самих письмах. Под «свидетельством о себе» понимаются факты «внутренней», неформальной, биографии, рефлексии и саморефлексии, транслируемый личный опыт, переживания и чувства. В эго-документах исследователь сталкивается с авторским «я» как одновременно пишущим и постоянно присутствующим в тексте субъектом описания. При этом произошедший в последние десятилетия в гуманитарных науках пересмотр отношений субъекта с текстом позволяет исследователю, работающему с перепиской, увидеть, как в процессе письма создается субъективность¹. Все это делает переписку, тем более — переписку в России XVIII в., важнейшим источником, позволяющим исследовать социальную самоидентификацию ее авторов и процесс ее складывания, а также социальные связи, менее уловимые в других источниках. Личные письма представляют в ином, нежели официальная и деловая корреспонденция, ракурсе отношения, сформировавшиеся как внутри тех или иных социальных групп, так и между представителями разных слоев общества, а также нормы повседневного поведения, письма и речи. Исследователи даже говорят о «правдивости» частной переписки, помогающей избежать общих штампов и документировать или, напротив, поставить под сомнение сложившиеся в историографии представления о жизни общества².

Публикуемые в данном томе документы — яркий пример переписки, отражающей возникновение в России XVIII в. нового в социальном смысле индивида и нового языка как способа говорить о себе. Переписка эта служит средством поддержания личных отношений между двумя корреспондентами, свидетельствуя при этом о постоянном неподдельном интересе к внутреннему миру, здоровью, успехам и несчастьям друг друга. Последнее тем более примечательно, что корреспонденты — один из влиятельнейших сановников екатерининского царствования граф Александр

¹ Зарецкий Ю.П. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение: сб. докладов / сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 26–29.

² Новохатко О.В. Частная переписка XVII века (к постановке вопроса) // *Paleobureaucratia*: сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой / сост., ред. Ю.М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2012. С. 246–263, здесь с. 246–247.

Романович Воронцов (1741–1805) и армейский бригадир Алексей Степанович Дьяконов (1734–1789), имя которого едва ли что-то скажет даже историку. Проступающие в переписке близкие и доверительные отношения между этими людьми ломают наши представления о жестком словесном порядке и формальной иерархии в Российской империи XVIII в. Помимо этого, переписка отличается интенсивной рефлексией по поводу межличностных отношений, которую редко встретишь в эго-документах XVIII в. до того, как сентиментализм и его язык полностью завладели умами образованного слоя. К 1780-м годам «языком чувств» уже владел А.Н. Радищев, предлагавший читателю «Дневника одной недели» разделить с ним свой «аффективный опыт»³. В десятилетие, следующее за тем, на которое приходится публикуемая переписка, появились «Бедная Лиза» и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, где герой оказывался в особом поле общих эмоций, связывавших «узами чувствительности» всех, кто только был способен эти эмоции испытывать. В переписке Воронцова и Дьяконова мы видим, как образованная элита «примеряет» на себя эту модель и учится переводить «житейскую фактуру» на «язык эмоциональных реакций»⁴.

Переписка в XVIII в. — обязательная, необходимая часть жизни, способ функционирования в обществе, а письма — также и средство самоидентификации и саморепрезентации⁵. Благодаря распространению письмовников переписка как социальная практика охватывает все новые слои общества, и все больше грамотных людей стремятся овладеть также и умением писать письма — умением, позволявшим повысить социальный статус⁶. Поскольку число разного рода присутственных мест росло с каждым новым этапом реформирования системы управления, росло и число претендентов на должности разного уровня. Соответственно, росли объемы переписки, особенно прошений, обращенных к высокопоставленным чиновникам, а значит, и рекомендательных писем. Показателен

³ Бодэн Р. «Дневник одной недели» А.Н. Радищева: реальное время русского сентиментализма // XVIII век: сб. 26 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2011. С. 289.

⁴ Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: НЛЮ, 2016. С. 105, 150.

⁵ Houdt T. van, Papy J. Introduction // Houdt T. van, Papy J. et al. Self-Presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times. Leuven: Leuven Univ. Press, 2002. P. 3.

⁶ Dierks K. The Familiar Letter and Social Refinement in America, 1750–1800 // Letter Writing As a Social Practice / D. Barton, N. Hall (eds). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2000. P. 31–32.

в этом смысле эпистолярный архив Воронцова, объемы которого поражают: этот вельможа «обрабатывал», пусть даже с помощью секретарей, и служебную корреспонденцию, и личную — родственную, дружескую, прошения и просьбы от близких и дальних знакомых, рекомендации для незнакомых. В списке корреспондентов, составленном после его смерти и охватывающем лишь 1780–1800-е годы, значатся почти две сотни имен, но он, конечно, неполон⁷.

В публикуемой переписке мы видим Воронцова в его ипостаси частного человека: обремененного государственной важности делами, но вникающего в повседневные заботы своего корреспондента и пекущегося о собственном комфортном существовании в частной и придворной сферах. Показательно, что у Воронцова не возникало внутренних противоречий между желанием проводить время в уединении в поместье и необходимостью заседать в Совете при высочайшем дворе, ездить с сенаторской ревизией по губерниям или пытаться устроить своего протеже на службу. Такое существование одновременно в двух «сообществах»: космополитическом текстуальном, сформированном литературными образцами (произведениями Геснера, Руссо, Стерна), и ограниченном национально-сословном — уже в следующее десятилетие будет восприниматься как проблематичное⁸.

В новейшей историографии бытует мнение, что дворянская переписка екатерининского царствования отличается сверхкритичностью по отношению к складывавшейся бюрократической системе и отражает кризис традиционных ценностных ориентиров дворянства, эрозию «основ официального и господствующего сознания»⁹. Однако в откровенной и неформальной корреспонденции Дьяконова и Воронцова, действительно зависевших, как и многие их современники, от милости государыни, невозможно найти следов ни кризиса, ни оппозиционности, несмотря на обсуждение в ней лиц, занимавших высшие должности в государстве и в придворной иерархии, происходивших при дворе событий и грядущих или текущих войн. Будучи как политик, вероятно, достаточно циничным, Воронцов к тому же вызывал у современников подозрения в наличии у

⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3109. Л. 1–9.

⁸ Пример напряжения между двумя полюсами демонстрируют письма М.Н. Муравьева 1797 г. к отцу и жене Е.Ф. Муравьевой (см.: Зорин А.Л. Указ. соч. С. 121, 126).

⁹ *Марасинова Е.Н.* Образ императора в сознании элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников) // *Царь и царство в русском общественном сознании* / под ред. А.А. Горского и др. М.: Институт российской истории РАН, 1999. С. 170.

него личной заинтересованности в лоббируемых им от имени государства коммерческих предприятиях. Дьяконова, однако, нисколько не заботят предполагаемое корыстолюбие или коррумпированность Воронцова. Более того, он вообще не мыслит этими категориями. В основе его взаимоотношений с придворными лежат концепты милости, преданности и участия в состоянии другого. В письмах Дьяконова действительно можно наблюдать спектр эмоций, который Е.Н. Марасинова описывает как характерные для переписки второй половины XVIII в.: раздражение, негодование, гнев, досада, уныние, острое ощущение неблагополучия, конфликтность с окружающим миром и собственной личностью¹⁰. Однако их источники — не «недовольство самовластным правлением» или коррумпированным чиновничеством, а невозможность автора встроиться в бюрократическую иерархию в ранге, который соответствовал бы его представлениям о собственных достоинствах, предшествующей военной карьере и уровню его покровителей. По словам А.Л. Зорина, — и это видно в письмах Дьяконова — интериоризация ценностной системы службы делала карьерную неудачу невыносимой для дворянина, лишала его жизнь смысла, а сам чин был и показателем его социальной состоятельности, и гарантией моральных качеств его обладателя¹¹.

Если биография А.Р. Воронцова в целом известна, хотя и требует еще полноценного исследования, то жизненный путь Дьяконова при подготовке настоящего издания пришлось реконструировать буквально с нулевой отметки: без воссоздания более или менее целостной картины его жизни было бы невозможно понять и прокомментировать его переписку с Воронцовым. Эта растянувшаяся на годы работа — увлекательная сама по себе — открыла большой пласт социальной реальности и культурных контекстов, объединявших влиятельного сановника, аристократа и придворного с армейским бригадиром, родившимся в далекой провинции.

«...помнится, бригадир»: реконструкция биографии А.С. Дьяконова

Алексей Степанович Дьяконов, которому было суждено дослужиться к 1775 г. до армейского бригадира, не был дворянином по рождению. О семье его мы ничего не знаем, но когда в апреле 1750 г., в возрасте 16 лет,

¹⁰ Там же.

¹¹ Зорин А.Л. Указ. соч. С. 120; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века по материалам переписки. М.: РОССПЭН, 1999. С. 81.

Дьяконов поступал на вакантное место копииста в Петербургскую таможню, в документах Печатной конторы он был записан подьяческим сыном¹². Менее чем через десять дней, впрочем, он написал челобитную об определении его в той же таможне досмотрщиком и действительно получил это место по указу Коммерц-коллегии в июле 1750 г. — и в этой записи он именовался «купцом»¹³. Что автор этих прошений и интересующий нас корреспондент Воронцова — один и тот же человек, подтверждается тем, что Петербургская таможня была местом, хорошо знакомым Дьяконову: об этом он упоминал в одном из писем к Воронцову в 1788 г. (письмо № 37)¹⁴.

Еще одна деталь ранней биографии Дьяконова, которая мелькает в его переписке с Воронцовым, — место его рождения. В письме от 27 февраля 1786 г. сановник, объезжавший губернии с сенатской ревизией, сообщил Дьяконову с дороги: «В отчизне вашей я время проводил изрядно, и Вологдою доволен...» (письмо № 10)¹⁵. И именно Вологда указана в документах как место рождения Алексея Дьяконова — копииста в чине сержанта, служившего с декабря 1752 г. в канцелярии Лейб-компании, привилегированной роты личных гвардейцев императрицы Елизаветы Петровны. Поскольку, как указано в списке роты, этот Дьяконов поступил туда из копиистов Камер-коллегии, в введении которой находились и таможни, можно быть уверенными, что речь идет об одном и том же человеке¹⁶.

¹² РГАДА. Ф. 265. Оп 1. Кн. 124. Л. 61. Нельзя исключать, что он просто назвался этой фамилией, связанной с родом деятельности его семьи.

¹³ Там же. Л. 470 об. — 471. «Купечеством» после введения подушной подати и до реформы налогообложения городского населения в 1775 г. называлось все «регулярное» городское население. Согласно «Регламенту Главному магистрату», оно делилось на две гильдии: первостатейных и мелких торговцев, а остальные, «обретающиеся в наймах и черных работах», причислялись к «подлым людям» (см.: ПСЗ РИ I. № 3708. Гл. VII (О разделении гражданства)). В 1730–1740-е годы штат портовых таможен, за исключением высших должностей обер-инспекторов и директоров, комплектовался из лиц недворянского происхождения: выходцев из купечества, подьяческих детей (канцеляристов), дворцовых служителей, отставных солдат и других разночинцев. Досмотрщики обязаны были до отплытия корабля «бессходно» находиться на нем для наблюдения, «чтоб без пошлин товары с кораблей не свозили» (см.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — нач. 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. С. 71).

¹⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 23 об.

¹⁵ Там же. Д. 68. Л. 13 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

¹⁶ Именной список Ее Императорского Величества лейб-компании чинам 1741–1759 годов // Русский архив. 1880. № 5. С. 134. Дьяконов был среди тех, кто находился с императрицей в Лефортовском дворце во время случившегося там

Итак, юный Алексей Дьяконов проделал в 1750 г. или чуть ранее путь из Вологды до Петербурга, оставив позади привычную социальную среду и образ жизни, возможно, и родителей — ради чего? Похоже, не ради того, чтобы стать мелким канцеляристом, пусть даже в Лейб-компани. Стоит напомнить, что начиная с 1745 г. во главе канцелярии этого элитного подразделения стоял драматург и поэт Александр Петрович Сумароков — протеже фаворита императрицы и командира лейб-гвардейцев Алексея Григорьевича Разумовского¹⁷. И именно с Сумароковым оказывается связано карьерное продвижение нашего героя в 1750-х годах. Когда Сумароков именным указом Елизаветы Петровны от 30 августа 1756 г. был назначен директором учреждаемого русского «для представления трагедии и комедии» театра, служивший на протяжении нескольких предшествующих лет под его началом Алексей Дьяконов получил тем же указом должность надзирателя над предоставленным театру Головкинским домом и пожалован чином армейского подпоручика с жалованьем в 250 рублей в год¹⁸.

Театр под началом Сумарокова известен, среди прочего, тем, что именно там выступал со своей труппой, привезенной им из Ярославля, Федор Григорьевич Волков. В «Кратком известии о театральных в России представлениях» Я.Я. Штелина мы находим упоминание, проливающее, возможно, дополнительный свет на биографию нашего героя. Как пишет Штелин, в 1750 г. к «обществу» Федора Волкова в Ярославле «пристали Бухарин, Дьяконов, Скочков и многие другие разного состояния люди»¹⁹.

21 января 1754 г. пожара, см.: Ассигнация, кто именно из чинов Ее Императорского величества лейб-компани поставлены в казенном Лефортовском дворце и под какими номерами [Публ. В.И. Егорова] // Вестник архивиста. 2008. № 1 (101). С. 253; в пожаре он лишился «портупей с позументом» (Егоров В.И. Гренадеры Лейб-компани императрицы Елизаветы Петровны — постояльцы Лефортовского дворца. 1740–1750 гг. // Там же. С. 256).

¹⁷ Степанов В.П. Александр Петрович Сумароков // СРП XVIII. Вып. 3: Р–Я. СПб.: Наука, 2010. С. 185.

¹⁸ ПСЗ РИ I. Т. 14. № 10599 (здесь опечатка: Головинский вместо Головкинский); копия: РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3021. Л. 9–9 об. Дом, принадлежавший вице-канцлеру М.Г. Головкину (1699–1754) и построенный в 1720-х годах, был взят в казну после ссылки его хозяина, последовавшей за воцарением Елизаветы Петровны. Он находился на месте юго-восточной части нынешней Академии художеств на Васильевском острове («близ кадетского дому»).

¹⁹ Штелин [Штелин] Я.Я. Краткое известие о театральных в России представлениях, от начала их до 1768 года, сочиненное на немецком языке его превосходительством, действительным статским советником Я.Я. Стелином // Санктпетербургский вестник. 1779. № 8. С. 83–95, здесь с. 92. (Курсив в цитате мой. — М. Л.). Ярославцы были вызваны в Петербург в начале 1752 г. по

Идет ли здесь речь именно об Алексее Степановиче Дьяконове, неизвестно: дело в том, что прозвище «Дьяконов» (по роду деятельности своего отца) носил и входивший в труппу Волкова известный русский актер Иван Афанасьевич Дмитревский. С одной стороны, Штелин не мог об этом не знать; с другой — к 1770-м годам, когда он писал свое «Краткое известие», так Дмитревского уже давно никто не именовал. Если допустить, что речь тут идет все же не о Дмитревском, а о нашем герое Алексее Степановиче, то становится понятнее, почему именно безвестный копиист Дьяконов был предложен на должность надзирателя Головкинского дома. Вполне может быть, что, двигаясь из Вологды в сторону столиц, Дьяконов оказался в Ярославле, где и пристал к труппе Волкова — случайно или намеренно. Служба в Петербургской таможне, куда он определился в том же 1750 г., могла, таким образом, быть для молодого человека лишь вынужденным шагом, способом зацепиться в Петербурге. Возможно, уже тогда он поставил себе целью увидеть театр, а может, и самого Сумарокова, к тому моменту составившего себе репутацию как автор «Хорева» (1747). Узнать о нем Дьяконов мог опять-таки в Ярославле от Волкова, который в 1748 г. вернулся в город из Петербурга и набрал свою первую труппу²⁰.

Переписка Дьяконова с Воронцовым также подтверждает, что не карьера на таможне, а именно возможность служить под началом Сумарокова — хотя бы и копиистом в канцелярии — привлекала нашего героя: он именует драматурга не иначе как своим «покойным благодетелем» (письмо № 2)²¹. Вероятнее всего, что как раз Сумароков и предложил Дьяконова на должность надзирателя над театральным домом,

требованию императрицы. Перечисляя актеров, отправлявшихся с ним в Петербург, сам Волков Дьяконова не упоминает, но это естественно, поскольку Алексей Степанович (если это был он) оставил Ярославль еще в 1750 г. и к 1752 г. был уже в Петербурге. Что характерно, актеры ярославского театра, подобно Дьяконову, происходили из городской среды — канцеляристов и церковников: канцеляристами были Иван Иконников и Яков Попов, пищиком — Семен Ку克林, сыном дьякона — Иван Дмитревский (наст. фамилия Нарыков или Дьяконов), из посадских происходил Семен Скочков и т.д. (*Север Н.М.* Летопись Театра имени Ф.Г. Волкова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1973. С. 23.). В публикации «Мемуары о театре в России», в которой аккумулированы и заново переведены на русский язык несколько сохранившихся в архивах рукописей Штелина, фрагмент о театре, устроенном Ф. Волковым в Ярославле, отсутствует, и Дьяконов не упоминается (см.: *Малиновский К.В.* Материалы Якова Штелина. СПб.: Крига, 2014. С. 121–173, особ. с. 141–143 (§ 11)).

²⁰ *Север Н.М.* Указ. соч. С. 11.

²¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 3.

поскольку тот к этому времени уже несколько лет не только служил под его началом, но и выполнял некоторые личные поручения, в том числе связанные с литературной деятельностью. Из записи в журнале выдачи книг библиотеки Академии наук, например, видно, что в 1755 г. копиист сержант Алексей Дьяконов взял для Сумарокова шесть томов греческих драм и два тома Пиндара, все на французском языке²². К середине 1750-х годов, таким образом, из доступных нам разрозненных свидетельств начинается вырисовываться портрет довольно амбициозного молодого простолюдина-провинциала, не просто стремящегося в столицу, но полного надежд стать причастным к театральному искусству.

Именно в этот период должно происходить формирование и культурного облика Дьяконова, и его социального этоса. Примечательна в этом смысле присущая ему специфическая орфография, бросающаяся в глаза в публикуемых письмах. Прежде всего, характерно написание Дьяконовым *a* вместо *o* в безударных словоформах (*патом, гатов, ани, каторья, хазяйство, спакойный*), что не только не соответствовало норме, но и шло вразрез с региональным произношением, которого от него можно было бы ожидать: родом с русского севера, Дьяконов должен был окать, т.е. произносить отчетливое *o* в словоформах с безударным *o*. Такое произношение, как и написание, Антиох Кантемир в 1740-е годы определял как «правильное», или «народное». Благородные же «*и те, кто им подражает*, часто меняют *o* на *a* как в начале, так и в середине слов, откуда происходит два типа произношения, отличающие благородных людей от народа. Одни [благородные] говорят *агурец, акошко, пападья, башмак*, а другие [простолюдины] *огурец, окошко, попадья, бошмак*», — отмечал Кантемир. Таким образом, аканье Кантемир выделял как социальный диалект, присущий *gentilhommes*²³. С другой стороны, уже в середине

²² Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век: сб. 19 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1995. С. 56. В делах Сената по Военной коллегии (РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3021) все копиисты Лейб-компании именуется сержантами, несмотря на то что Дьяконов, например, на тот момент и не имел военного чина.

²³ Лингвист Е.Э. Бабаева подчеркивает, что это уникальное свидетельство, позволяющее характеризовать аканье именно как социальный диалект (см.: Бабаева Е.Э. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники // Кантемир А.Д. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: в 2 т. / вступ. ст. и публ. Е.Э. Бабаевой. М.: Азбуковник, Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. XLVI (Курсив в цитате мой. — М. Л.)).

XVIII в. аканье, приписывавшееся некнижному, неписьменному языку, стало отличительной чертой «московской нормы» произношения, распространившейся и в Петербурге. Это заметил историк Август Людвиг Шлёцер в своей «Русской грамматике» в главе «О гласных»: «О, если оно кратко и нет на нем ударения, в московском наречии, которое также господствует в Петербурге, произносится как *a*, напр. подобен, *padoben*; хорошо, *charascho*; говори, *gawari*»²⁴.

Выбор Дьяконовым определенной орфографии, таким образом, неслучаен и приобретает особое значение в контексте культурной ситуации, сложившейся вокруг Сумарокова, бывшего в 1750-е годы шефом Дьяконова. Программа Сумарокова, опиравшаяся на норму современной ему западноевропейской культуры и нацеленная на молодых дворян, прежде всего — кадет Сухопутного шляхетного корпуса, подразумевала, что правильно говорить было не менее важно, чем правильно писать. К тому моменту, когда Дьяконов поступил на службу копиистом под начало Сумарокова, тот был уже не просто успешным драматургом («Хорев» и «Гамлет» появились в 1747 и 1748 гг. соответственно), но и претендовал на роль наставника благородной молодежи в том, что касалось культуры и литературного стиля²⁵. Строго говоря, в силу своего происхождения

²⁴ Шлёцер А.Л. Русская грамматика // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 13. СПб., 1875. С. 431 (§ 21); ориг.: *Schlözer A.L. Rußische Sprachlehre. Bde. 1–2. St. Petersburg, 1763–1764.* В этот период (середина XVIII в.) указания на особую красоту и правильность московского говора довольно часты у Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова и др. По словам В.М. Живова, это отражение пуристического тезиса о превосходстве столичного диалекта, характерное для языковой программы классицизма (см.: *Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 302*). О превращении московской фонетической нормы в социальную свидетельствует и то, что в 1780-е годы она внедряется на театральной сцене: крестьян из малороссийских сел Шереметевых, взятых в усадебный театр в Кускове, заставляли переучивать их партии, переписывая роли для всех окающих с заменой безударной *o* буквой *a* (см.: *Станюкович В. Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л.: Государственный Русский музей, 1927. С. 63*). Это уравнивало социально героев пьес и опер, которых представляли актеры, с их благородными зрителями.

²⁵ *Осват К.А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: НЛЮ, 2020. С. 65–66, 72; «Почти нет большого несовершенства в знатном человеке, как не уметь хорошо изъяснять свои мысли на словах или на письме. [...] Французской или Российской дворянин должен стараться уметь писать чисто и исправно по Французски или по Русски», — утверждалось в русском переводе педагогического трактата Локка, опубликованном в 1759 г. под названием «О воспитании детей» (Там же. С. 72).*

Дьяконов не был адресатом сумароковских наставлений. Однако тот же Сумароков в сатире «О благородстве» (а до него — Кантемир во II сатире «На зависть и гордость дворян злонравных») увязывал истинное благородство не столько с чистотой родословной, сколько с личными заслугами:

А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титуле — в действии быть должен дворянином.

<...>

А если ни к какой я должности не годен, —
Мой предок дворянин, а я не благороден²⁶.

В основе этого нового понимания благородства лежали тексты Горация, вошедшие в сложившийся как раз в середине XVIII в. в русской придворной среде литературный канон²⁷. Гораций, писал его переводчик И.С. Барков в жизнеописании поэта,

доказывает, что прямое благородство состоит не в знатности и древности предков и не в великом достоинстве, но единственно в добродетели, которой знатные Римские вельможи для безмерной роскоши весьма мало последовали²⁸.

В сумароковской культурной программе, кодифицированной в «Двух эпистолах», умение понимать и производить литературные тексты было неотъемлемой чертой человека образованного и благородного. Дьяконов, не имевший «по породе ни с кем из патрициев ни малейшая связи» (письмо № 1)²⁹, мог надеяться, что приобретение требуемых

²⁶ Цит. по: Сумароков А.П. О благородстве // Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 189–191. Ср. у Кантемира в его «Предисловии» ко «Второй сатире»: «...гнусно дворянину завидовать благополучию подлейших себе, коли они чрез добрые свои дела в честь и славу происходят»; и в его же «Примечаниях» о намерении «Второй сатиры»: «...обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, и к тому завидят всякому благополучию в людях, кои чрез свои груди из подлости в знатную степенъ происходят» (цит. по: Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 77, 368).

²⁷ *Ospovat K. Mikhail Lomonosov Writes to his Patron. Professional Ethos, Literary Rhetoric and Social Ambition // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N.F. 2011. Bd. 59. No. 2. S. 242.*

²⁸ Барков И.С. Житие Квинта Горация Флакка // [Квинт Гораций Флакк] Квинта Горация Флакка сатиры или Беседы с примечаниями, с латинского языка преложенныя российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб.: При Императорской Академии наук, 1763. Б.п. [с. 4]; *Ospovat K.A. Указ. соч. С. 73.*

²⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1.

добродетелей и культурного багажа даст и ему право претендовать на благородство по духу, а впоследствии из «человека безродного» стать благородным и в формально-юридическом смысле, обретя соответствующий социальный статус.

Поддерживая московское аканье как норму произношения, Сумароков выступал тем не менее против ее отражения в орфографии. Так, в очерке «О правописании» он нападал на Ломоносова за аканье на письме, но подчеркивал, что тот был обманут московским произношением и перенес его в правописание и как «провинциальный уроженец», и как простолюдин:

Г. Ломоносов родом не Москвитянин; так ево произношение Московское часто обманывало: и претворял он ради того <...> *литеру О в литеру А; ибо везде где над литерою О нет силы, то есть ударения, претворяется она во произношении, между О и А, Вода, воды: горà, гóры, и протч: <...> а многия не размышляя, таковыя ево ошибки приняли украшением пиитическим, и употребляют оныя к безобразию нашего языка, что г. Ломоносову яко провинциальному уроженцу простительно, как рожденному еще и не в городе, и от поселян; но протчим, которыя рождены не во провинциях и не от поселян, сие извинено быть не может*³⁰.

Однако Дьяконов, как мы видели, пренебрегает установками своего «благодетеля» — запретом на письменное аканье. Как кажется, показать себя на письме частью благородного общества Дьяконову было настолько важно, что ради этого можно было пренебречь и связью этого диалекта с Москвой, где он никогда не жил, и даже мнением Сумарокова, который иронизировал над «акающим правописанием», высмеивая его как «дамское», а позднее и вовсе отнес его к диалекту, заявив, что «прекрасное произношение московское» употребляют «почти одни только приближенные к Москве крестьяня»³¹. Можно предположить, что Дьяконов имитировал аканье в письменной и прежде всего в устной речи как престижное произношение, характерное для складывавшегося в 1750-е годы вокруг канцелярии Лейб-компания культурного кружка, принадлежать к которому он так стремился³².

³⁰ Сумароков А.П. О правописании // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. Изд. 2-е. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. Ч. X. С. 7 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

³¹ Бобрик М.А., Зорин А.Л. К истории московского самосознания (статья «О московском наречии» и ее автор) // Ново-Басманная, 19: сб. ст. М.: Художественная литература, 1990. С. 25, 29 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

³² Отмечу, что в свидетельстве о свободном состоянии Ореста Кипренского, написанном в 1788 г. при отдаче мальчика в Академию художеств (в объявлении

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru